

Подведя итоги сделанным наблюдениям, можно прийти к следующим выводам. Палеографические особенности говорят против возможности отнести надпись к началу, даже вообще к первой половине III в. до н. э.: нет ни одной из тех форм, которые типичны для столь раннего времени. Итак, бесспорна принадлежность декрета в честь Протогена во всяком случае времени не более раннему, чем вторая половина III в. до н. э.; более вероятно время, близкое к концу III в. до н. э. Начало II в. до н. э. не может быть абсолютно исключено, однако оно, конечно, не доказано.

Настоящая статья не ставит перед собой задачи попытаться выяснить время декрета в честь Протогена путем собирания и изучения всех видов источников: внимание в ней было сосредоточено лишь на том, что может дать характер письма надписи для определения ее времени. Однако некоторые соображения могут быть высказаны и на основании того обзора различных взглядов на время декрета, который был представлен выше. Отнесение декрета к концу III—началу II вв. до н. э. гораздо больше соответствует выяснившейся на основании археологических исследований картине жизни города в III в. до н. э., чем датировка надписи первыми десятилетиями III в. до н. э., так упорно отстаивавшаяся М. И. Ростовцевым. Вопрос об определении угрожавших Ольвии галатов, конечно, сложнее — последнее слово здесь, по-видимому, не сказано. Но если и принять взгляд Шмидта о соответствии их галатам фракийского царства Комонтория, придется только высказаться за последние десятилетия III в. до н. э., исключив даже начало II в. до н. э.

В определении даты декрета исчерпаны, конечно, не все возможности: следует детальнее исследовать стиль документа, его орфографические особенности. В данной статье мы ограничились лишь попыткой подойти к декрету с точки зрения его палеографии.

Т. Н. Книпович

МАТЕРИАЛЫ К СОБРАНИЮ ДРЕВНИХ НАДПИСЕЙ САРМАТИИ И ТАВРИДЫ

6. ДОПОЛНЕНИЕ К ЭПИГРАФИЧЕСКИМ СВИДЕТЕЛЬСТВАМ О ТИРЕ¹

Вряд ли о каком-либо из античных городов Северного Причерноморья мы знаем так мало, как о Тире. Несмотря на несомненные успехи советской археологии, о судьбе города, особенно в первые века его существования, все еще известно крайне недостаточно². Одна из причин такого положения заключается в том, что античная литературная традиция хранит о Тире почти полное молчание, так что едва ли не главным свидетельством древних авторов о Тире являются беглые упоминания периплов, удостоверяющих милетское происхождение города. Не приходится подчеркивать, как велика при таких условиях роль каждого lapidарного документа, принадлежащего Тире или содержащего упоминание о городе либо о его гражданах. Среди них привлекает внимание недавно найденный декрет каллатийцев в честь неизвестного по имени гражданина Тиры, опубликованный Д. М. Пиппиди³. Так как издатель изучает документ главным образом с точки зрения его значения для истории Каллатии, целесообразно рассмотреть его как источник по истории Тиры.

Новый памятник был случайно обнаружен в 1961 г. при работах в старинной мечети современной Мангалии; он представляет собой обломок правой верхней части мраморной плиты с фронтоном и акротериями; на мраморе сохранились остатки

¹ См. ВДИ, 1959, № 4, стр. 111 слл.; 1962, № 3, стр. 141 слл.

² А. И. Фурманская, Античный город Тиры, сб. «Античный город», М., 1963, стр. 40—50; ср. E. Diehl, Tyras (2), RE, VII-A, 1948, стб. 1850—1863.

³ D. M. Pippidi, Décrets honorifiques de Callatis, «Dacia», нов. сер., VI, 1962, стр. 469—473, № 1.

12 строк греческой надписи, относящейся к середине или второй половине III в. до н. э. Высота обломка 19 см, ширина 15 см, толщина 3 см; высота букв 0,8—0,6 см. Текст надписи следующий (с дополнениями Д. М. Пиппиди):

[Ἐπὶ βασιλείῳς] ος, μηνός Εὐκλείου
[. προαίσουν] ὄντος Διοδώρου τοῦ Ἡ-
[.] Σατύρου εἶπε· ἐπει-
[δὴ] Τυρανός εὐνοὺς ἐς-
[τὶ καὶ πρόθυμος περὶ τὰμ πόλιν καὶ κοινᾷ καὶ ἰ-
[δῖαι τοῖς ἀφικνουμένοις τῶν πολιτῶν παρ-
[χεται χρεῖας· δεδῶχθαι τᾷ βοῦλῃ καὶ τῶν δά-
[μων ἐπαινέσθαι μὲν] ἐπὶ τούτοις
[. Τυρανόν ἀρετᾶς ἔνεκεν] τᾶς εἰς
[τὸν δᾶμον τὸν Καλλατιανῶν· δεδῶχθαι αὖ-
[τῶν καὶ ἐγγόνους προξενίαν, [πολιτεί-
[αν, ἰσοτέλειαν καὶ εἰσπλοὺν καὶ ἐκπλ.] οὖν [κα]
[εἰράνας καὶ πολέμου ἀσυλεί καὶ]
[ἀσπονδεί]

Перевод: «[При царе таком-то,] месяца евклия [такого-то числа, при проэсимн]е-те Диодоре, сыне Ге [— —, такой-то,] сын Сатира, предложил ⁴: так [как имя рек,] тиранец, пребывает доброжелательным [и благорасположенным по отношению к горо]ду и оказы[вает услуги] гражданам, [прибывающим по общественным] и част-[ным делам], [да постановят со]вет и на[род восхвалить] за это [имя рек, тиранца, вследствие его заслуг] перед [народом каллатийцев, даро]вать ему [и потомкам проксению,] права граждан[ства, равенство в отношении налогов и право въезда и вы]езда и [в мирное и в военное время без разграбления имущества и без заключе-ния особого перемирия...].»

Надпись оканчивалась, как показывают многие документы такого рода, указанием на то, что текст должен быть высечен на мраморной плите и установлен в каком-нибудь общественном месте.

Этот документ, самый ранний из достоверных иноземных упоминаний о Тире, свидетельствует о наличии более или менее налаженных связей между гражданами Тира и их западными соседями — в нем содержится прямое упоминание о каллатийских гражданах, которые прибывали в Тир по своим делам и пользовались обычной в таких случаях помощью со стороны чествуемого лица. Нельзя в этой связи не вспомнить, что и среди ольвийских проксенических декретов мы находим надписи, в которых идет речь о гражданах Истрии ⁵, Каллатии (IOSPE, I², № 27) и Месембрии (там же, № 20); известны и найденные в Ольвии надгробия скончавшихся и погребенных там аполлониагов ⁶ и месембрийцев (IOSPE, № 688). Это не случайно — и Тира и Ольвия, о связи между которыми свидетельствует одна из недавно найденных надписей ⁷, должны были прежде всего поддерживать дружеские отношения с городами, лежавшими вдоль пути, который вел от устьев Борисфена и Тираса к главным центрам Эллады, а этот путь пролегал, как полагают, до начала IV в. до н. э. вдоль Западного Причерно-

⁴ «Царь» в Каллатии, как и в Херсонесе, был эпонимным магистратом; проэсимнет — председатель дежурной в течение месяца части совета; евклий в календаре Мегар и их колоний — один из весенних месяцев, приходившийся примерно на март или апрель юлианского года.

⁵ П. О. Карышковский, Утерянная ольвийская надпись, СА, XXVIII, 1958, стр. 154—155.

⁶ С. А. Семенов-Зусер, Торговый путь к Ольвии, «Уч. зап. Харьк. гос. ун-та», XIX, 1940, стр. 94—95.

⁷ А. И. Фурманская, Новый эпиграфический памятник из Тира, СА, 1960, № 4, стр. 176.

морья⁸. Плавание от Боспора Фракийского до устьев Истра продолжалось во второй половине IV в. до н. э. три дня и три ночи (Ps.-Scyl., § 67) и было, судя по словам одной из приписывавшихся прежде Демосфену речей, частью большого торгового пути к Боспору Киммерийскому (Ps.-Dem., XXXV, 10; ср. Ps.-Scyl., § 68).

О международных связях Тире в эллинистическое время мы знаем крайне недостаточно. До сих пор были известны лишь два эпиграфических документа эллинистического времени, относящихся к этому вопросу. Первый из них представляет, по-видимому, декрет об увенчании некоего гражданина Тире несколькими греческими городами; на мраморе читаются имена ольвиополитов, кизикенцев и родосцев⁹. О значительной роли Родоса в торговле Тире позволяют судить и многочисленные находки родосских клейм, наряду с которыми встречаются также клейма Синопы, Коса, Фасоса, Гераклеи, Книда, Херсонеса¹⁰. Декрет каллатийцев пополняет список городов, несомненно связанных с Тирой в эллинистическое время, и свидетельствует об участии граждан Тире в понтийской торговле.

Не менее велико значение этого декрета и для Каллатии. Ему принадлежит почетное место среди проксенических декретов, свидетельствующих о тесных связях этой гераклеийской колонии с другими припонтийскими городами в IV—III вв. до н. э. Это Аполлония¹¹, Дионисополь¹², Истрия¹³, Ольвия (IOSPE, I², № 27), Херсонес¹⁴, а также города, расположенные у самого входа в Черное море, — Парикон на Пропонтиде¹⁵ и Митилена на Лесбосе¹⁶, о связях каллатийцев с Боспорским государством в конце IV в. до н. э. пишет Диодор¹⁷.

При рассмотрении эпиграфических свидетельств о Тире и ее гражданах нельзя оставить в стороне хорошо известный декрет томитян в честь Нила. Хотя этот важный документ переиздавался много раз¹⁸, лишь в недавнее время была опубликована его фотография, позволяющая убедиться в правильности принятой последним издателем надписи датировке, — согласно Й. Стояну, декрет относится к началу I в. до н. э., а не ко II или I вв. до н. э., как полагали прежде¹⁹. Точная датировка делает его, наряду с ольвийским декретом в честь амисенского кибернета (IOSPE, I², № 35) и фрагментированным постановлением аполлониятов в честь начальника воинов, присланных в Аполлонию Митридатом Евпатором в соответствии с особым договором (IGB, I, № 392), одним из важнейших свидетельств по истории Северо-Западного

⁸ М. И. Максимова, Античные города Юго-Восточного Причерноморья, М.—Л., 1956, стр. 145—168.

⁹ Фурманская, Новый эпиграфический памятник из Тире, стр. 173—179.

¹⁰ Е. М. Штаерман, Керамические клейма из Тире, КСИИМК, вып. 36, 1951, стр. 31 слл.; P. Niculescu, Scavi e scoperte a Tyras, «Ephemeris Dacoromana», II, 1924, стр. 403 слл.

¹¹ Th. Sauciuc-Săveanu, Callatis VIII (1937—1940), «Dacia», IX—X (1941—1944), 1945, стр. 287—288, № 1.

¹² Th. Sauciuc-Săveanu, Callatis II (1925), «Dacia», II (1925) 1927, стр. 121—122, № 2.

¹³ D. M. Pippidi, Monumente epigrafice inedite, «Histria», I, 1954, стр. 487—488, № 2.

¹⁴ G. Tocilescu, Neue Inschriften aus Rumänien «Archaeologisch-epigraphische Mitteilungen aus Österreich-Ungarn», XVII, 1894, стр. 99—100, № 41.

¹⁵ Pippidi, Décrets honorifiques de Callatis, стр. 473, № 2.

¹⁶ Sauciuc-Săveanu, Callatis VIII, стр. 292, № 4.

¹⁷ Dioid. XX, 25 (ср. XIX, 73), известно и надгробие каллатийца, найденное в Керчи (В. В. Шкорпил, Боспорские надписи, найденные в 1914 г., ИАК, вып. 58, 1915, стр. 23, № 8).

¹⁸ См. П. О. Карышковский, Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды, ВДИ, 1959, № 4, стр. 113, № 2.

¹⁹ I. Stoian, TOMITANA, București, 1962, стр. 90, № 3, табл. XVI.

Причерноморья во времена включения его в состав Митридатовой державы. В частности, удачное дополнение стк. 19 надписи в честь Нила, предложенное И. Стояном, позволяет предполагать, что и граждане Тиры и Томи пользовались в Ольвии особыми преимуществами.

В последние годы эпиграфика Тиры обогатилась и надписью эллинистического времени, найденной в самом городе. Речь идет о небольшом обломке, упомянутом А. И. Фурманской в ее посмертно изданной статье о Тире²⁰; он был обнаружен в 1960 г. (инв. № 354) на глубине 8 м от современной поверхности в сероглиняной, перемешанной с золой засыпке подвала эллинистического здания на кв. 12. Это фрагмент левого края плиты из желтоватого мелкозернистого мрамора (высота 9,2 см, ширина 13 см, толщина около 3,5 см; высота букв колеблется от 0,8 до 0,6 см), на котором уцелели начальные части семи строк греческой надписи второй половины или конца III в. до н. э. Вот текст документа:

•ΛΙΚ/	[Π]ερικλ[ῆς vel εως]
ΕΥΚΛΕΩ	Εὐκλέω[ς]
ΤΙΜΟΘΕΟΣ	Τιμόθεος[.]
ΠΟΣΕΙΔΩΝΙ	Ποσειδῶνι[ος vel του]
5. ΑΥΤΟΚΛΗΣΑΠ	Αὐτοκλή[ς 'Απ[ολλωνίου?]
ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΣΧΙ	'Απολλώνιος Χ[ρητίωνος?]
ΗΡΩΙΔΑ ^ ^ -	'Ηρώδα, 'Απ[ολλώνιος ??]

Вторая буква в стк. 1 *эпсилон*; две вертикальные гасы за ней не принадлежат одной букве (*ни* в надписи имеет укороченную правую гасу; *мю* шире, и в этом случае была бы заметна ее средняя часть; это же относится и к букве *эте*, не говоря о невозможности сочетания ΕΗ в середине греческого имени) и наиболее вероятно их чтение как ΡΙ; тогда в этой строке почти с полной уверенностью восстанавливается имя Перикл (в именительном или в родительном падеже). В сткк. 2, 3 и 4 имена дополняются без труда. В стк. 5 от имени отца Автокла, условно дополняемого как Аполлоний, сохранились лишь две первые буквы; отчество Аполлония в стк. 6 начиналось буквами ΧΙ или ΧΡ и дополнено условно. Последняя строка сильно повреждена и, если положиться на незначительные остатки верхних частей букв, следовавших за *дельтой* (заметны скорее всего два острых уголка и горизонтальный штрих), имя ΗΡΩΙΔΑ дано в родительном падеже (т. е. является отчеством) и за этим именем следовало другое, первыми буквами которого были ΑΠ, например, Аполлоний.

Незначительность рассматриваемого фрагмента не позволяет определить длину строк и размеры надписи в целом; в уцелевших строках сохранились имена восьми лиц: Перикла (или неизвестного по имени сына Перикла), неизвестного по имени сына Евкла, Тимофея, отчество которого неизвестно, Посидония (или сына Посидония), Автокла сына Απ(оллония?), Аполлония сына Χρ(естиона?), неизвестного по имени сына Героида и, наконец, Απ(оллония?). При небольшом числе известных до настоящего времени имен граждан Тиры найденный в 1960 г. обломок интересен уже тем, что все перечисленные имена встречаются в этом городе в первый раз. Сами по себе они обычны, хотя такие имена, как Перикл и Евкл, не засвидетельствованы в надписях Северного Причерноморья, а имя 'Ηρώδα было до настоящего времени известно только в дорическом Херсонесе²¹.

Несмотря на то, что на обломке сохранились одни имена, его не приходится считать каталогом граждан: в документах такого рода (ср., например, ольвийскую надпись примерно того же времени или агонистический каталог из Горгиинии — IOSPE, I²,

²⁰ А. И. Ф у р м а н с к а я, Исследование Тиры, «Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского гос. археологического музея в 1962 г.», Одесса, 1964, стр. 62, рис. 2, 8.

²¹ В эллинистическую эпоху от него образуется родительный 'Ηρώδα (IOSPE, I², № 525), но в римское время встречается и форма, образованная по первому склонению (там же, № 701). Заметим, что родительный Εὐκλέως (вместо Εὐκλέους) находит параллели в надписях Ольвии среди имен на -κλή[ς] (там же, № 205).

№ 201; IV, № 432) каждая строка начинается именем в именительном падеже, тогда как из семи строк, сохранившихся в нашем фрагменте, две начинаются именами в родительном падеже. Поэтому перед нами скорее всего не каталог граждан, имеющий значение самостоятельного документа, а заключительная часть декрета, завершавшегося списком *τοὺς σφραγισμένους*, т. е. лиц, скрепивших постановление своими печатями. Такое обыкновение, хорошо известное в Херсонесе, существовало в римское время и в Тире: декрет в честь Коккея скрепили, помимо архонтов и эйсегета (т. е. лица, внесшего предложение об увенчании Коккея), секретарь, редактировавший постановление, и 15 лиц, должностное положение которых не обозначено (IOSPE, I², № 2). Надпись из раскопок 1960 г., таким образом, не только обогащает список имен граждан Тиры, но и позволяет предполагать, что практика скрепления постановлений совета и народа приложением печатей началась в Тире еще в эллинистическое время. При том незначительном материале относительно государственного строя Тиры, каким располагает наука, и такое наблюдение не лишено значения, тем более, что за ним скрывается тенденция к известному ограничению традиционных демократических порядков.

7. НОВЫЙ ОЛЬВИЙСКИЙ ДЕКРЕТ О ПРОКСЕНИИ

В ходе раскопок ольвийской агоры и теменоса в последние годы было найдено, как известно, немалое число эпиграфических документов, в том числе декретов о проксении, значительно расширивших наши сведения о торговле и международных связях Ольвии. В 1961 г. экспедицией АН УССР при раскопках западного торгового ряда обнаружена еще одна надпись такого рода, публикации которой посвящается настоящая заметка²².

Занимающий нас памятник представляет собой обломок верхней части плиты с текстом декрета о проксении. Плита изготовлена из плотного мелкозернистого мрамора белого цвета с синеватыми прожилками, скорее всего, островного происхождения; она гладко отполирована с обеих сторон. На обломке сохранились часть треугольного фронтона (высота его 8,5 см) с остатками венчавшего его акротерия и пять фрагментированных строк греческой надписи (см. рис. 1). Максимальная высота всего обломка — 18,6 см; максимальная ширина — 20,1 см; толщина плиты 3,9—4,1 см. Фронтон окаймлен узким карнизом, лишь незначительно выступающим над полем надписи.

Ровные, слегка удлиненных пропорций буквы надписи аккуратно нанесены на поверхность плиты по линейкам, расстояние между которыми равно 1,2—1,3 см; высота букв колеблется от 1,15 до 1,30 см; расстояние между линейками, ограничивающими соседние строки, составляет 0,25 см. Во всех буквах, глубоко и четко врезанных в мрамор, сохранились остатки заполнявшей их некогда красной краски. Что касается особенностей прифита, то следует отметить, что *альфа*, *дельта* и *лямбда* имеют форму равнобедренных треугольников; *сигма* составлена из четырех штрихов; *пи* имеет укороченную правую гасту, ее горизонтальная черта не выходит за пределы вертикалей; средний горизонтальный штрих у буквы *эпсилон* короче верхнего и нижнего, которые равны между собой; *тета* с точкой в центре и *омикрон* исполнены по циркулю и заметно меньше остальных букв; наконец, окончания прямых линий, образующих буквы, имеют небольшие, но достаточно выраженные апексовидные расширения. Все эти палеографические признаки позволяют датировать надпись последней четвертью IV или началом III в. до н. э.; наиболее близок к ней по характеру письма из опубликованных ольвийских эпиграфических документов фрагментированный декрет о проксении из раскопок 1952 г.²³

²² Пользуюсь случаем выразить благодарность руководителю раскопок Л. М. Славиной за разрешение опубликовать этот памятник.

²³ Е. И. Левин, К вопросу об ольвийской агоре, СА, XXI, 1954, стр. 240, рис. 16; она же, Ольвийская агора, МИА, № 50, 1956, стр. 107—108, № 7, рис. 69.

Плита с надписью обломана так, что ни в одной из частично уцелевших пяти строк нет ни начальных, ни конечных букв. Однако вертикальная ось симметрии (т. е. биссектриса угла при вершине фронтона) делит сохранившиеся части строк таким образом, что слева от нее остается вторая *эта* в стк. 1, а также большие половины *сигмы* и *ламбды* в сткк. 3 и 4. Нетрудно также восстановить частично утраченные *альфу* и *пи* в начале сткк. 1 и 2; равным образом не вызывает сомнений восстановление букв *омеги*, *сигмы* и *иоты* в конце сткк. 1, 2 и 4.

Восстановление начальной части стк. 1 не вызывает колебаний: здесь следует помещать обычную благопожелательную формулу [$\epsilon\upsilon\chi\eta$] $\alpha\theta\eta$: $\tau\acute{o}\chi\eta$; нетрудно заполнить и лауну в конце стк. 1 и в начале стк. 2, где можно читать только частично

уцелевшие слова $\epsilon\delta\omega[\chi\alpha\nu \text{ } \acute{\omicron}\lambda\beta\iota\omicron]\mu\omicron\lambda\iota\tau\alpha\iota$. Это дает возможность судить о размерах строк; наиболее вероятно, исходя из общих пропорций плиты, насколько они прослеживаются по размерам фронтона, что буквы $\omicron\lambda$ находились еще в конце стк. 1, а остальная часть слова — уже в стк. 2; тогда в стк. 1 было 19 букв, из которых слева от оси симметрии находилось 10, а справа 9; в стк. 2 слева от оси симметрии помещалось 11 букв.

Значительно более сложным оказывается восстановление остальных строк надписи. Так, хотя совершенно очевидно, что в конце стк. 2 и в начале стк. 3 находились окончание имени и начало отчества чествуемого лица, определить это имя и отчество с полной уверенностью вряд ли возможно, так как число имен, начинающихся с $\text{ } \acute{\alpha}\rho\iota\sigma\ldots$, и имен с окончанием в род. падеже $-\epsilon\omicron\upsilon\varsigma$ или $-\epsilon\omicron\upsilon\upsilon$, практически неисчерпаемо ²⁴.

Наибольший интерес представляло бы восстановление той части надписи, в которой был помещен этникон чествуемого ольвиополитами иноземца. К сожалению, от него сохранились лишь *тета* и далее за нею, у самого излома, остаток вертикальной гасты с характерным апексовидным утолщением; это ведет к предположению о том, что перед нами свободная в верхней части вертикаль, т. е. либо *иота*, либо часть буквы,

²⁴ Возможно, разумеется, отнести *сигму* к следующему слову, но так как за отчеством чествуемого лица был помещен его этникон, а на сочетание $\Sigma\theta$ нелегко подыскать имя сколько-нибудь значительного греческого полиса, следует полагать, что *сигма* относится к отчеству проксена.

в левой половине которой наличествует такая свободная сверху вертикальная линия, т. е. буква *эта* (другой возможностью являлась бы *каппа*, но сочетание *ΘΚ* невозможно в начале названия греческого города). С другой стороны, перед ясно читаемой *ни* в начале стк. 4 заметен вертикальный штрих (как раз по этой линии произошел скол) с отходящей от него наверху вправо наклонной чертой; последняя оказалась увеличенной и отчасти деформированной за счет скола поверхности у ее левого нижнего конца. С наибольшей вероятностью эта комбинация линий может рассматриваться так же как вертикальная гаста с апексом, непропорционально увеличившимся ввиду упомянутого повреждения. В таком случае перед нами снова либо *иота*, либо такая буква, в правой части которой налицо свободная вертикаль, т. е. *эта* или *ню*. Гласные в данном случае, как будет показано ниже, не подходят по смыслу напрашивающейся в соответствии с другими ольвийскими декретами о проксении аналогии, и в этой поврежденной букве приходится видеть *ню*.

Относительно последних уцелевших строк следует прежде всего заметить, что буквы *ΠΟΛΙ* в стк. 4, независимо от чтения предшествующего им полуразрушенного знака, не могут быть ничем иным, как только указанием на предоставление чествуемому лицу прав гражданства, т. е. началом слова *πολι[τεῖαν]*; в самом деле, невозможно рассматривать их как часть сложного этника типа *Μεγαλοπολίται*, так как между начальной буквой этника (т. е. *тетой* в стк. 3) и сохранившимися буквами *ΠΟΛΙ* в стк. 4 находилось примерно 13—15 знаков; с другой стороны, этого недостаточно для помещения какой-либо свободной конструкции с упоминанием о городе, да такие конструкции совершенно чужды ольвийским проксеническим декретам изучаемого времени. Но в таком случае следует предположить, что в лакуне помещалось, кроме этника, указание на дарование иноземцу прав проксена: во всех известных декретах из Ольвии подобного содержания читается формулировка *ἔδωκαν... προξενίαν, πολιτείαν, ἀτέλειαν πάντων χρημάτων*²⁵. Наиболее вероятно при этом, что в стк. 4 нашли место лишь буквы *ΞΕΝΙΑΝ*, а начальный слог, т. е. буквы *ПРО*, были помещены в конце предыдущей строки (в противном случае густота письма в начале стк. 4 составляла бы разительный контраст со свободным размещением уцелевших букв *ΠΟΛΙ*). В таком случае для этника в стк. 3 оставалось бы, считая и сохранившуюся на камне *тету*, примерно 7—8 букв.

Исходя из приведенной выше формулировки ольвийских декретов о проксении, можно высказать некоторые соображения и о восстановлении конца стк. 4 и стк. 5. В 5 стк. читается лишь буква *эпсилон* (да и та повреждена в левой нижней части); слева от нее — горизонтальная черта в верхней части строки, которая может быть элементом таких букв, как *гамма*, *эпсилон*, *кси* или *тау*. Чтобы иметь возможность выбрать наиболее подходящую из них, следует обратить внимание на то, что после *эпсилона* в этой строке имеется незаполненное пространство, явно превосходящее по размерам, по крайней мере на первый взгляд, обычные расстояния между буквами в нашей надписи. Учитывая, однако, направление и характер излома в данной части плиты, легко убедиться, что такое пространство могло образоваться лишь при условии, что после буквы *эпсилон* в стк. 5 следовала буква треугольных очертаний. Но в таком случае имеются все основания усматривать в этом месте остаток начальной части обычной формулировки об освобождении проксена от пошлин, т. е. слова *ῥα[τέ]λειαν πάντων χρημάτων*.

При таком дополнении уцелевшей части стк. 5 обнаруживается новая трудность, она состоит в том, что между упоминанием о даровании чествуемому иноземцу прав гражданства и формулировкой освобождения его от пошлин образуется незаполненное место примерно для 8—10 букв. В этой связи позволительно напомнить, что один из ольвийских проксенических декретов, найденный около ста лет назад и вскоре после

²⁵ IOSPE, I², № 20, 24; ср. Е. И. Л е в и н, К истории торговли Ольвии в IV—III вв. до н. э., СА, XXVII, 1958, стр. 235—239, табл. I, 1—2. В прочих проксенических декретах из Ольвии эта формулировка восстанавливается по аналогии с указанными выше.

этого, по-видимому, утерянный, упоминал именно в этом месте о даровании проксену и проедрии, т. е. не особенно существенного, но почетного права занимать место среди наиболее уважаемых граждан во время празднеств, театральных зрелищ и т. п. ²⁶. Учитывая, что и в известном договоре ольвиополитов и милетян об исополитии, отношении ко времени около 330 г. до н. э., предусмотрено взаимное предоставление проедрии милетянам в Ольвии и ольвиополитам в Милете (Syll., I³, № 286), а также и то, что некоторым ольвийским гражданам предоставлялась проедрия в Дельфах ²⁷, мы получаем основания, чтобы заполнить лакуну в конце стк. 4 и в начале стк. 5 словом *προεδρίαν*, хорошо подходящим и по числу букв.

Было бы особенно важно для истории внешнеполитических связей Ольвии, если бы оказалось возможным заполнить также и лакуну в стк. 3, т. е. восстановить утраченный этникон чествуемого иноземца. Как указано выше, название его родины начиналось скорее всего буквами ΘН или ΘΙ, хотя нельзя с абсолютной уверенностью исключить и такие сочетания, как ΘΕ и даже ΘΡ (графически возможные комбинации ΘΒ, ΘΓ, ΘΚ или ΘΠ явно бессмысленны). Нетрудно видеть, что это дает большой простор для различных догадок, каждая из которых является лишь одной из многих возможных гипотез. Поэтому мы не считаем возможным разбирать здесь различные предположения по этому поводу и позволим себе только заметить, что восстановление ΘН-ΒΑΙΩΙ, «фиванцу», будучи безукоризненным с формальной точки зрения, могло бы найти известную опору и в тех событиях, которые переживали Фивы, главный город Беотии, именно в последние десятилетия IV в. до н. э., т. е. как раз в то время, когда была, надо полагать, вырезана занимающая нас надпись ²⁸.

В результате всех изложенных соображений текст надписи из раскопок 1961 г. читается следующим образом (ср. рис. 1):

[Ἀγ]αθῆ: Τύχη: ἔδω[χαν Ὀλ-]
[βιο]πολίται: Ἀρισ[. . . .]
[. . . .] εὐς Θ[. . . .] προ-
[ξενίαν,] πολ[ι]ταίαν, προ-
5. [εδρίαν, ἀ]τί[λειαν πάντων]
[χρημάτων]

Перевод: «[В доб]рый час. Даро[вали ольвио]политы Арис [...], сыну тако[го-то, ф[иванцу?? проксению,] права граж[данства, проедрию, осво]бо[ждение от пош-лин на все товары и т. п.]».

В восстановленном таким образом образе декрета имеются особенности, отличающие его от большинства известных ольвийских документов подобного содержания того же времени. Это, во-первых, то, что глагол *ἔδωχαν* поставлен перед упоминанием об ольвиополитах, чествующих иноземца, тогда как во всех других подобных декретах читается формула *Ὀλβιοπολίται ἔδωχαν*; выдвигание глагола на первое место возникает, по всей вероятности, под влиянием распространенной формулы *ἔδοξε τῇ βουλῇ καὶ*

²⁶ П. О. Карышковский. Утерянная ольвийская надпись, СА, XXVIII, 1958, стр. 154—155; о значении проедрии см. А. В. Никитский, Исследования в области греческих надписей, Юрьев, 1901, стр. 22 слл.

²⁷ R. Flacelière, Notes de chronologie delphique, BCH, LII, 1928, стр. 189—190.

²⁸ Фивы, разрушенные Александром Македонским в августе или сентябре 335 г. до н. э., были отстроены Кассандром в конце 316 или в начале следующего года (D i o d., XIX, 54; P a u s., IX, 7,1), причем существенно, что необходимые для восстановления города средства поступали в виде даров от многих греческих государств (IG, VII, № 2419); имени Ольвии среди жертвователей мы не находим, но соответствующая надпись вообще сильно повреждена. В конце IV в. до н. э. возродившиеся Фивы были, естественно, особенно заинтересованы в восстановлении своих прежних международных связей и в создании новых; см. С. Я. Лурье, Беотийский союз, СПб., 1914, стр. 251 слл.

τῶν δῶμων, которая употреблялась ольвиополитами еще в первой половине IV в. до н. э. (IOSPE, I², № 24), но в прескрипты ольвийских проксений проникла только в III в. до н. э. (там же, 27, 29, 30, 32, 35). Во-вторых, после имени, отчества и этника иноземца отсутствует указание о том, что все права и привилегии предоставлены как лично проксену, так и его потомкам, αὐτῶν καὶ ἐκγόνους; эти слова отсутствуют, впрочем, и в одной из ранее известных проксений²⁹. Наконец, в рассматриваемой надписи восстанавливается с почти полной достоверностью упоминание о даровании чествуемому проедрии. Все это определяет особое место данного документа среди всех прочих ольвийских документов подобного содержания. В силу этого публикуемая надпись, несмотря на утрату этника иноземца, не лишена интереса для ольвийской эпиграфики.

П. О. Карышковский

²⁹ Е. И. Левин, История торговли Ольвии, стр. 242, табл. II, 2.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ НА ЕЛИЗАВЕТИНСКОМ ГОРОДИЩЕ — ЭМПОРИИ БОСПОРА НА СРЕДНЕЙ КУБАНИ

С конца V в. до н. э. Спартокиды начинают вести активную внешнюю политику, стремясь расширить территорию своего государства за счет присоединения плодородных земель как на западе, так и на востоке. Еще Сатир I начал войну с Феодосией, длившуюся несколько десятилетий и закончившуюся при Левконе I присоединением этого города. Все земли, лежавшие между Пантикапеем и Феодосией, вошли в состав Боспорского государства. Высвободив военные силы и укрепив границы на западе, Левкон смог направить свою экспансию на восток. При нем в состав царства была включена Синдика, а затем власти боспорских правителей подчинились меотские племена нижнего и среднего течения Кубани и Восточного Приазовья. Если Синдика вошла в собственно границы Боспорского государства, то большая часть меотских племен, признавая верховную власть боспорского царя, сохранили своих правителей-военачальников («царьков») и известную самостоятельность. В. Ф. Гайдукевич предполагает, что зависимость их от Боспора сказывалась «в выплачивании ими определенной дани натурой и предоставлении на своей территории полной свободы коммерческой деятельности боспорским купцам и промышленникам»¹. На присоединенных территориях возникли новые города — в Синдике в IV в. до н. э. возник город Горгиппия, и в начале III в. до н. э. в устье Танаиса одноименный город, превратившийся в крупный центр торговли между боспорцами и окружающими местными племенами. Экспансия Боспора не ограничивается только прибрежной полосой. Заинтересованные в получении дешевого зернового хлеба, который в большом количестве производили меотские племена Прикубанья, Спартокиды продвигаются в глубь степей и создают свой опорный пункт — эмпорий на Средней Кубани (совр. городище ст. Елизаветинской). Это было меото-греческое поселение, возникшее около середины IV в. до н. э. Таким образом, оно было более ранним, чем Танаис — эмпорий Боспора на Дону.

Елизаветинское городище расположено на правой террасе р. Кубани, в 15 км на запад от Краснодара, на юго-восточной окраине станицы Елизаветинской. Городище было известно еще Е. Д. Фелицыну в конце прошлого столетия². В 1913—1915 гг. и в 1917 г. Н. И. Веселовский производил раскопки курганного некрополя, расположен-

¹ В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 62.

² Археологическая карта Кубанской области, составленная Е. Д. Фелицыным, М., 1882.